

Родные могилы

Мы — сироты с детства: Таня с четырёх лет, я с шести. В общем-то, нас и свела сиротская доля, в больнице.

Танина мама, Горбунова Екатерина Владимировна (1911-1940), похоронена в Архангельске. Родных там никого нет. Мы ездили туда в 1984 году, кладбище нашли, а могилку, конечно, нет.

До 10 лет Таню воспитывала бабушка, Ольга Григорьевна Сицинская (15.06.1876-13.08.1961). Потом появилась мачеха, Горбунова (Рейнбах) Александра Ивановна (1922-1992), которую покладистая Таня называла мамой. В войну она была подпольщицей, связной партизанского отряда Фёдора Ивановича, а после войны — женой. Естественно, Галя и, со временем, Таня покинули дом. Затем А.И. со своими дочерьми Элей и Олей ушла от стареющего мужа — и начала новую жизнь. И он остался один...

Бабушка похоронена в Нижнем Новгороде, а мачеха — в Бресте. Вот как судьба раскидала!

А мой отец, Никитин Василий Алексеевич (1911-1943), — кузнец, радист, пулемётчик — погиб на Ленинградском фронте, у Синявинских высот. Потом появился отчим Степанов Пётр Степанович (1907-1979), которого я называл батей. Он был старшиной-танкистом, имел золотые руи, но попивал...

Батя скончался в июне 1979, когда я, прихватив Алёшу, прилетел в Ленинград в командировку. Собирался поводить сына перед поступлением в школу по музеям-театрам, а пришлось вместе ходить по похоронным инстанциям. Похоронили батю в крематории. Он открылся недавно, в 1973 году, и там было ещё довольно свободно. Поэтому урну захоронили неподалёку от входа, в земле: колумбарий 2, участок 1, секция 6, о чем у меня сохранилось удостоверение от 05.06.79, подписанное директором крематория. Пока мог, я изредка ездил и ухаживал за могилкой: подкрашивал буквы на плите, убирал сорняки. Но вот уже несколько лет не был там и беспокоюсь: сохранилось ли место? Надеюсь, кто-нибудь из родственников прочитает мою просьбу: не сочтите за труд, съездите туда, наведите порядок, пожалуйста.

После моей женитьбы на Тане моя мама, Александра Васильевна, стала нашей общей матерью. У неё с Таней отношения были даже лучше, чем со мной. А вот Фёдор Иванович недолго пожил после нашей свадьбы и не успел стать общим отцом.

Последние годы своей жизни и Фёдор Иванович (в 1963-1965), и Александра Васильевна (в 1982-1989) жили вместе с нами в Новосибирском Академгородке. И похоронены рядом на кладбище в Чербузах.

Ещё одна родная могила — в посёлке Лисино-Корпус Ленинградской области. Там, благодаря поисковому отряду Академии им. Можайского, в 1993 году захоронен на мемориале 124 стрелковой дивизии прах отца и

других бойцов 406-го полка.

А самая старая родная могила - в Петербурге, на Казанском кладбище в Рыбацком. Там похоронены мой дед (по матери) Принцев Василий Алексеевич и дядя Принцев Иван Васильевич.

Царство всем им небесное! Вечная память!

Горбунов Фёдор Иванович (1900-1965)

Родился в вологодской деревне Антропшево, близ г. Вельск, в крестьянской семье. Началась революция — и он стал активным комсомольцем. Ушёл на гражданскую войну, бить Колчака. Вернувшись в Вельск, женился на Екатерине Сицинской, внучке ссыльного польского шляхтича-повстанца, ставшего здесь землемером, — и подался с нею в Архангельск, в Промакадемию учиться лесному делу. Там у них родились две девочки — Галя и

Таня.

Фёдор Иванович был большим знатоком леса. Пожалуй, в лесу он ориентировался более уверенно, нежели среди людей. Благодаря этому, он и сам выжил в Брянских лесах в войну, и спас партизанский отряд, в котором был комиссаром. После войны прошел путь от директора Тихвинского лесхоза до зав. лесным хозяйством Беловежской пуши. В это время в Беловежской пуше шло не только восстановление, но и перестройка из заповедника в заповедно-охотничье хозяйство, и на Ф.И. свалилась тьма административной работы. Отдушину он находил только в лесу.

К его-то дочке Татьяне (с 1959 г. — Никитиной) я и наезжал (подъезжал:)) во студенчестве. Бывая изредка с Ф.И. в заповедных уголках Пуши, я удивлялся его сноровке и лесному таланту. Увы, мне недолго довелось видеть его здоровым. Случился инсульт, его оставила молодая жена. Но он выкарабкался и научился довольно бодро

ковылять, писать письма левой рукой и даже зимовал в Пуще один. А наша задача была - на каникулах напилить ему дров, да приготовить припасы.

В 1961 году мы разжились временной комнатой в Удельном, а в 1962 вовсе уехали из Ленинграда в Новосибирский Академгородок, где нам вскоре дали трёхкомнатную(!) квартиру, — и, естественно, всюду мы его забирали к себе, как только обустривались. Жить бы ему да жить! Но он уже был прикован к постели...

Никитина (Принцева) Александра Васильевна (22.05.1909-07.10.1989)

Мама всю жизнь была по-крестьянски работающая и хлебосольная. Она родом из большой крестьянской семьи, где-то средний по возрасту ребёнок. И потому на её плечи с детства легла, в ущерб школе, забота о младших братьях и сёстрах. И только когда они подросли, сама подалась в Ленинград. Но и тут, сколько себя помню, она "ломила" на всю родню. Приедет, бывало, в гости, нагруженная кошёлками с продуктами, хозяйскими или даже

стройматериалом, — сразу не лясы точить, а за дело берётся, на кухню и по дому.

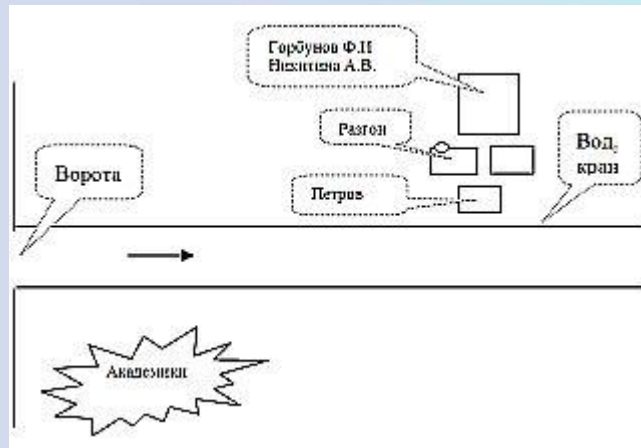
Снобы могут хихикать, но я так скажу: у неё был редкий талант добросовестной домработницы, дар наводить чистоту и порядок. Когда работала в запасниках Русского музея, а затем в "Пассаже" уборщицей, её обычно зазывали даже в другие отделы, особенно, перед проверками и комиссиями. Ей не надо было указывать, что делать, она и так всё делала основательно. И главное, ей самой это доставляло удовольствие.

Честно говоря, родственные чувства были у мамы сильнее материнских. Я ей был обузой. Судите сами, каково жить в тесной 12-метровой комнате с мужем и с ребёнком. До войны проблема решалась легко — я жил в деревне у бабушки Василисы Мелентьевны (1978?-1943). А после войны куда меня только ни ссылали! А потом, уже с Таней, где мы только ни снимали комнаты! Поэтому когда после окончания института появилась возможность получить жильё хотя бы в Сибири, мы охотно бросили Ленинград и уехали.

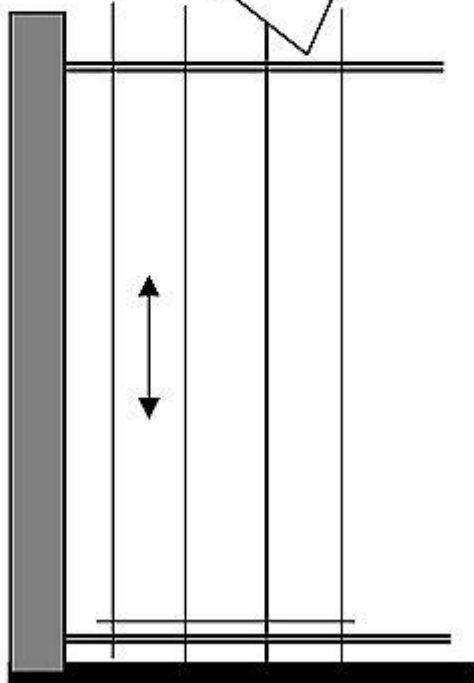
С другой стороны, юридически я стал после войны не обузой, а палочкой-выручалочкой. После вторичного замужества мама лишилась прав на отцовскую, ведомственную комнату, нас даже пробовали выселить. Но суд решил: права на комнату и на пенсию принадлежат мне как наследнику, а мама может распоряжаться ими лишь как опекун, до моего совершеннолетия.

Материнские чувства пробудились в ней, видимо, после моей женитьбы. Наконец-то мама обрела в лице Тани дочку, а потом и троих внучат. И мама помогала нам, чем могла: слала посылки с пассажными обновками и подарками, приезжала вместе с батей в отпуск помочь отремонтироваться и понянькаться, писала трогательные письма. Таня с ребятами регулярно летом ездили в Ленинград, а я так прилетал в командировки раз в квартал.

Чербузы

Четыре прута (прямо у
угловой трубы-стойки)
свободно поднимаются вверх
(сквозь дырки в верхнем
горизонтальном уголке, если
не прижавели) - как забрало.

Мы похоронили Фёдора Ивановича в 1965 году на академгородковском кладбище Чербузы, тогда ещё довольно пустынном. Сами выбрали место — и чтобы не у самой дороги, но близко; и чтобы водопроводный кран был недалеко (видите на схемах? правда, они составлены по памяти, с небольшими расхождениями).

Вместе с Олегом Майковым и Хачатуровым (где то теперь они?) вырыли могилу. Потом вместе с Тимофеем Козловым (он теперь лежит неподалёку, через дорогу) сварили обширную оградку "с секретом" и временный памятник (простоявший, однако, сорок лет). По углам посадили дубки. Вечная память!

Ежегодно летом всем семейством отправлялись в поход на кладбище Чербузы. Для ребят это было целое путешествие. Сперва ехали на 109-ом автобусе до микрорайона «Щ». Потом шли по деревне Чербузы, основанной переселенцами-чувашиами, спасавшимися в Сибири от поволжского голода 1921 года. Контраст деревни с городком был разительный. Помню, огибали угол хлева и заглядывали в окошко на скотинку, - было не оторвать. За оковицей начиналось пастбище, тут мы делали привал, чтобы подкрепиться перед работой, и коровы привычно подходили к нам за гостинцами. Дальше было кладбище; надо было прибрать могилку, посадить цветы, покрасить оградку...

В 1982 году я оформил семейный обмен: Катя прописалась в комнате на Литейном, а мама переехала к нам. Наконец-то у нее появились и отдельная комната, и сад с домиком. Тут-то она отвела свою душеньку крестьянскую! Увы, жизнь такая быстротечная... В 1989 скончалась мама, и мы стали круглыми сиротами. Сразу поняли: это рубеж.

Попрощаться слетелись все ребята. Похоронили маму рядом с Ф.И., в той же оградке.

На следующий год я и Таня вернулись в Ленинград через 28 лет жизни в Сибири. Ничего здесь не нажили, а и то, что получили, потеряли: от безнадёги обменяли трехкомнатную квартиру на комнату в коммуналке. К сожалению, никто из наших детей не пустил корней ни в Академгородке, ни в науке. Поэтому едва ли они, их дети и новые родственники наведаются в Чербузы, тем более, присмотрят за могилами наших родителей.

Спасибо ЭмилиИ Ивановне Трепаковой, таниной коллеге по школе №162, она не оставляет могилы наших родителей без внимания. Постоянно и бескорыстно. А когда мы, наконец, собрались заменить старый памятник на новый, все хлопоты по его заказу и установке легли на её плечи. Мир не без добрых людей!

Семейная Мастер-студия «ВидеоКОТ»

© 2009 Владислав Вас. Никитин, Санкт-Петербург - Всеволожск